

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

МИР РОССИИ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

UNIVERSE OF RUSSIA
SOCIOLOGY. ETHNOLOGY

МИР РОССИИ UNIVERSE of RUSSIA

Социология. Этнология

Том 26

№2, 2017

Издается с 1992 г.

Выходит 4 раза в год

ISSN 1811-038X

Журнал издается Национальным исследовательским университетом
«Высшая школа экономики»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Статьи, публикуемые в журнале «Мир России»,
индексируются и реферируются в библиографических агентствах и базах данных

Scopus

WEB OF SCIENCE™

Emerging Sources Citations Index
Russian Science Citation Index

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

ibss
International Bibliography
of the Social Sciences

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index *

CYBERLENINKA

Журнал зарегистрирован Министерством печати РФ
Регистрационный номер ПИ № ФС77-53567

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017

МИР РОССИИ

Социология. Этнология

Том 26

№2, 2017

Издается с 1992 г.

Выходит 4 раза в год

ISSN 1811-038X

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

В.В. Карачаровский, О.И. Шкаратан

Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к ее измерению6–37

В.Я. Гельман

Авторитарная модернизация в России – миссия невыполнима?38–61

ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИКА

Г.И. Ханин, Д.А. Фомин

Постсоветское общество и российская макроэкономическая статистика62–81

Sh.A. Shokri, A. Arkhipov, O. Belokrylova, Yu. Filonenko

Vulnerability Assessment of the Agricultural Economy in Russia
(Using the Example of Rostov Region, Southern Federal District)82–102

Ш.А. Шокри, А.Ю. Архипов, О.С. Белокрылова, Ю.В. Филоненко

Оценка уязвимости экономики сельского хозяйства России
(на примере Ростовской области, ЮФО)

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Р.Н. Абрамов, Е.Р. Ярская-Смирнова

Ретроспектива российского и советского профессионализма
в оптике критической экологии103–127

Т.Ю. Сидорина

Российское общество в контексте тенденций мирового общественного развития128–153

А.И. Нефедова

Масштабы, структура и цели экспорта российского высшего образования154–174

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

С.Н. Смирнов

Население России в движении: кто, куда и на сколько?175–187

Л.Е. Бляхер

Общество за пределами статистики188–193

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ194–196

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к ее измерению¹

В.В. КАРАЧАРОВСКИЙ*, О.И. ШКАРАТАН**

***Владимир Владимирович Карачаровский** — кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего Лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 110100 Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: vvkc@hse.ru
****Овсей Ирмович Шкаратан** — доктор исторических наук, ординарный профессор, заведующий Лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 110100 Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: ovsey@hse.ru

Цитирование: Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. (2017) Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к ее измерению // Мир России. Т. 26. № 2. С. 6–37

Статья посвящена анализу предпочтений населения при выборе социально значимых и общественных благ и определению на этой основе общественной цены различных типов социальных изменений в обществе. Обсуждаются возможности реализации комплексного подхода к измерению для ключевых социально значимых срезов общества относительно ценности основных видов социально значимых благ (по отношению друг к другу или к частным благам, не являющимся социально значимыми); цены отказа от потребления различных видов социально значимых благ сегодня во имя увеличения объема и улучшения их структуры в будущем, в том числе для последующих поколений; издержек социальных изменений, которые либо обусловлены трансформацией структуры социально значимых и

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (грант № 16-18-10270).

Авторы выражают глубокую благодарность основателю и директору Центра социального прогнозирования и маркетинга, кандидату философских наук Ф.Э. Шереги за высокопрофессиональную работу по проведению представительного опроса населения, неподдельный интерес к замыслу исследования, внимательное и исключительно благоприятное отношение к авторскому коллективу, за ценные замечания и интереснейшие обсуждения, которые состоялись при его активном участии. Мы также признательны сотрудникам Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ, стажерам-исследователям Е.Н. Гасюковой и С.А. Коротаеву за продуктивное сотрудничество при подготовке инструментария данного исследования.

общественных благ, либо приводят к изменению их структуры, изменению форм и интен-сивности участия членов общества в их воспроизводстве.

Инструментальной основой исследования является система логических конструкций в форме мысленных экспериментов, предназначенных для применения в опросах населения по формализованной программе. Анализ базируется на данных соответствующего специализи-рованного репрезентативного опроса населения России, проведенного в сентябре 2016 года.

Даны количественные характеристики системы социальных предпочтений в рос-сийском обществе. На основе соотношения реального и идеального бюджета времени индивидов рассчитывается показатель «неоптимизированного» общественного продук-та труда; оценивается баланс положительных и отрицательных внешних эффектов, связанных с условиями жизни и деятельности индивидов; измеряются социально допу-стимые альтернативные издержки воспроизводства таких специфических типов фунда-ментальных общественных благ, как сверхдержава и благосостояние будущих поколений; оценивается вклад личных и общественных выгод в индивидуальную полезность.

Ключевые слова: общественный договор, социальный контакт, гражданское обще-ство, НКО, социальные изменения, общественные блага, социально значимые блага, мериторные блага, социальные предпочтения, социальная ставка дисконтирования

Постановка исследовательской проблемы, или существует ли общественная цена социальных процессов и явлений?

О сущности общественной цены как измеряемой категории

На что способно общество? Насколько оно конкурентоспособно по сравнению со своими соседями? Каков ресурс его скрытых возможностей? Оценивая целесоо-бразность тех или иных преобразований, реформ, издержки любых иных планиру-емых или естественных изменений, можно утверждать, что интерес представляет их общественная цена, т.е. величина, производная от общественной легитимности процессов и явлений, с которыми общество сталкивается в своем развитии.

Общественная цена – это параметр, имеющий фундаментальное значение при оценке перспективности форм и направлений трансформаций (мезо- или макроу-ровня), на которые общество способно на данном этапе своего развития. Обще-ственные (или теневые) цены отражают «экономическую стоимость товара, т.е. его ценность с точки зрения общества», при этом в «условиях совершенной конку-ренции, отсутствия экстерналий и общественных благ они (общественные цены – прим. авторов) совпадают с рыночными» [Виленский, Лившиц, Смоляк 2008, с. 119]. Общество при этом выступает в качестве субъекта, легитимизирующего объем и на-бор прав государства, бизнеса и граждан с целью максимального «удовлетворения общественно признанных потребностей членов общества» [Виленский, Лившиц, Смоляк 2008, с. 420]. Последнее дополнение дает ключ к более широкой трактов-ке общественных цен – как параметра, определяющего общественно одобряемый уровень издержек, которые члены общества готовы понести для достижения тех или иных социальных целей. Здесь мы близко подходим к системе категорий,

развиваемых в рамках современных теорий общественного договора (социального контракта), как некоего набора идеальных представлений, признаваемых обществом в качестве правильных (целесообразных, справедливых, нравственно допустимых) и составляющих основу для фиксации в общественном сознании эталона общественного единства. Отклонение от этого эталона создает основу для социальной неустойчивости и предопределяет величину издержек, которые придется понести обществу, или, напротив, величину экономии, которую общество может получить в зависимости от направления изменений, сонаправленных указанному отклонению или противонаправленных ему. Пользуясь терминологией и логикой, предложенной членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным, можно сказать, что мы хотим измерить издержки, связанные с теми или иными нарушениями «антропо-социетального баланса» [Лапин 2005].

В поисках эталонных общественных представлений

Логика выявления эталонных общественных представлений как нельзя лучше сформулирована в «Теории справедливости» Дж. Ролза, а именно в идее «*заванеса неведения*» как критерия справедливости оценок общественных явлений и процессов, когда лица, принимающие социально значимые решения, «не знают, как различные альтернативы будут воздействовать на их собственный случай» [Ролз 2010, с. 127; см. также: Rawls 1999]. Такая логическая конструкция весьма точно охарактеризована Ю. Хабермасом: «Когда мы спрашиваем, что хорошо для меня, или хорошо для нас, или хорошо для них, мы не можем ожидать, что получим универсальный ответ; мы, скорее, должны спросить: что одинаково хорошо для всех?» и далее: «Главное в этом вопросе не распределение благ и возможностей, а защита свободы и единства» [Nielsen, Habermas 1990, p. 96].

Природа общественного согласия, впрочем, может быть различной. Например, при набирающих силу процессах «разделения общества и государства», о которых пишет А. Турен, государство рассматривается гражданами в большей степени не как выразитель интересов нации, но как бюрократ, а национальное единство при этом становится все более «практическим» [Турен 1998, с. 48–51]. В этом смысле общественный договор (напоминающий корпоративный) можно интерпретировать как индивидуально выстроенные отношения каждого члена общества с этим «супервайзером». Такой подход, тем не менее, не отрицает возможности существования эталона общественного согласия. Так, в рамках интегративной теории социального контракта (ISCT) вводится понятие «гипернорм» как некой предустановленной человеческой природой основы любой конкретной модели общественного согласия в системах любого уровня [Donaldson, Dunfee 1994]. Расхождение воплощаемых моделей общественного порядка с феноменами сознания, подобными гипернормам, приводило бы к дополнительным издержкам, связанным с недостаточной общественной легитимностью соответствующих изменений и, напротив, максимальное соответствие им делало бы осуществляемые социальные изменения менее затратными, чем ожидалось. Впрочем, гипернормы являются весьма сложным и довольно абстрактным концептом для его использования в решении практических задач (см., напр.: [Douglas 2000; Gilbert, Behnam 2009]).

Природа общественного согласия может быть и «сфабрикованной», являясь результатом управления массовым сознанием господствующим классом, как показано в концепции гегемонии А. Грамши [Gramsci 1971]. Как резюмирует Х. Кац², в этом случае «определенный образ жизни и мыслей превращается в доминирующий и пронизывает всю ткань общества, преобразовывая нормы, ценности и вкусы, политические практики и социальные отношения». Гегемония базируется на «принудительной ортодоксальности» (*coercive orthodoxy*), достигаемой посредством «комбинации принуждения³ и согласия⁴, а последнее обеспечивается за счет управляемой⁵ кооптации групп в гражданское общество» [Katz 2006, p. 335].

Какова бы ни была изначально природа общественного согласия, сущностными чертами современных обществ являются их ценностная фрагментация и ситуация неопределенности культурной парадигмы. Сами представления об идеале и истине трансформируются, в ценностном отношении общества перестают быть цельными, теряют строго однозначный смысловой стержень. Поэтому сегодня говорят о «сдвиге социальных контрактов», когда происходящие в обществах изменения наслаиваются на коррективы самих эталонных социальных представлений, относительно которых можно было бы судить об общественной легитимности таких изменений [Rubin 2012].

Отклонения от состояния счастья

В этих условиях на помощь приходят индикаторы, отражающие психофизическое восприятие индивидами всей совокупности изменений, происходящих в обществе и их результатов. Речь идет о так называемых субъективных оценках благополучия (*subjective well-being*), изучаемых в рамках сравнительно нового научного направления – теории счастья (*theories of happiness*) [Easterlin 1974; Bruni, Porta 2005]. На уровне общества строятся показатели общественного благосостояния, альтернативные ВВП, такие как, например, валовое национальное счастье (*gross national happiness*), причем для различных направлений общественного выбора существуют свои уникальные функции счастья [Frey, Stutzer 2010].

Субъективное благополучие как логический концепт, безусловно, также может быть использовано для измерения отклонений действительности от идеала, порождающих либо общественные издержки, либо общественные выгоды, в зависимости от направленности этих отклонений, – уменьшающих или увеличивающих «валовое счастье».

Важно отметить, что понятие «счастье» в общем случае не коррелирует с традиционно понимаемым благосостоянием. История знает много примеров, когда общества с более низким уровнем материального благосостояния были более сбалансированы и «счастливы», чем общества, развитые более высоко с материальной точки зрения. Это нашло отражение в известном парадоксе Истерлина

² Х. Кац отсылает к работам [Sassoon 1982; Carroll 1992; Persaud 2001, p. 65].

³ В оригинале – *coercion*.

⁴ В оригинале – *consent*.

⁵ В оригинале – *hegemonic*.

[Easterlin 2001], который, что примечательно, хорошо подходит для описания ситуации в зрелых обществах, но не выполняется для стран с переходными экономиками, для «изголодавшихся» по материальному благополучию обществ, лишенных одновременно и «большой идеи». В странах, которые до недавнего прошлого принято было обозначать как третий мир, счастье и материальное благополучие скоррелированы высоко [Easterlin, McVey, Switek, Sawangfa, Zweig 2010].

Готово ли общество ждать?

Когда мы говорим о социальных изменениях с неким запланированным в будущем итогом, критичным становится вопрос: готово ли общество ждать этого итога и, если да, то по какой цене? Основной измеряемой величиной в данном случае является социальная ставка дисконтирования – показатель, являющийся одной из ключевых характеристик обществ, когда речь идет об инвестировании в долгосрочные системные изменения. Социальная ставка дисконтирования демонстрирует цену отказа членов общества от сегодняшних благ в пользу будущих, когда решение принимается людьми из соображений соответствия разделяемому ими представлению о справедливости и общественной целесообразности.

Стремление обеспечить благосостояние будущих поколений, принося определенные жертвы в сегодняшнем потреблении, с одной стороны, считается естественным свойством общества, с другой, упирается в социокультурные характеристики рассматриваемой общности и в условия жизни. Обычно в расчетах учитывается только последняя, более объективная характеристика социума, а наиболее распространенным показателем, используемым для оценки социальной ставки дисконтирования, является социальная ставка межвременных предпочтений (*social rate of time preference*). В данном варианте социальная ставка может быть оценена несколькими способами, но ключевыми закономерностями являются следующие: ставка тем выше, чем меньше вероятность дожить до следующего периода (до конца периода, на котором осуществляется дисконтирование будущей полезности); чем быстрее растет благосостояние будущих поколений (темп роста потребления) (см., напр.: [Pearce, Groom, Hepburn, Koundouri 2003; Kula 1984]).

Смежным направлением исследований является измерение индивидуальных ставок дисконтирования применительно к перераспределению во времени социально значимых благ различных типов. Оригинальная методология оценки таких ставок применительно к программам сохранения жизни была предложена и эмпирически реализована М. Кроппер с соавторами [Cropper, Aydede, Portney 1991; Cropper, Aydede, Portney 1992; Cropper, Aydede, Portney 1994], что вызвало в дальнейшем целый пласт экспериментальных исследований.

Случай России

Сегодня российское общество испытывает принципиально новый тип внешних и внутренних вызовов. Трансформации, происходящие во внешнем окружении

(в геополитике и геоэкономике), порождают как спонтанные изменения, так и спланированные преобразования инновационной либо адаптационной направленности.

В последние три десятилетия Россия пережила практически все виды таких трансформаций: это и реформы различных сфер экономики с неоднократно менявшимся курсом, и резкая смена макроэкономической конъюнктуры, обусловленной как внутринациональными, так и глобальными причинами, и появление принципиально новых элементов культуры и социальной организации, и крупные технологические сдвиги, преобразовывающие массовое сознание, и элементы культурной интервенции. К этому добавляются нерешенные проблемы общественной легитимации крупных социально-экономических трансформаций, включая радикальную перестройку структуры собственности и возникновение олигархического капитала, смена парадигмы социальной справедливости и всей системы достижительных ценностей, ломка идеи сверхдержавы и ее роли в жизни рядовых людей, наконец, возникновение целого нового поколения россиян, для которых не только СССР, но и период 1990-х гг. являются историей, действующими субъектами которой они не были.

В этой связи Г.А. Явлинский обратил внимание на созревшую необходимость в России нового общественного договора, учитывающего современные социальные интересы [Явлинский 2005]. Распад СССР был показательным примером исчерпания прежнего общественного договора между обществом и властью, что было гораздо более важной причиной катастрофических изменений, чем простая неудовлетворенность уровнем материального благополучия.

Эту социальную катастрофу нельзя было объяснить в логике лишь объективных показателей общественного благосостояния. Так, С.Г. Кара-Мурза, обосновывая ложность «мифа об экономическом кризисе в СССР», обращает внимание на макроэкономические показатели функционирования советской экономики 1980-х гг. и показывает, что в 1990 г. советская экономика могла производить все, что нужно, причем в количестве, превосходящем показатели производства не только последующих 1990-х, но и 2000-х гг. [Кара-Мурза 2012]. Несомненным является и тот факт, что достичь уровня СССР 1990 г. (последнего года до начала рецессии) удалось только к 2006–2007 гг., то есть спустя лишь 16–17 лет болезненных преобразований и потерь. Однако оставаясь в рамках такой логики, невозможно обосновать устойчивость социально-экономической системы, так как она не учитывает общественной цены, которую общество приписывает объемам и тоннам производимого общественного продукта.

Реальной проблемой поздней советской системы было то, что люди не хотели жить так, как предписывал существовавший общественный способ производства – не будучи допущенными к индивидуальному управлению собственным благосостоянием, не имея возможностей рискнуть и выиграть, будучи полностью исключенными из западного образа жизни. А существовавшие запреты и ограничения только подстегивали формирование романтизированного образа западной цивилизации как некой идеализированной реальности, в которую непременно хочется попасть. Это был не столько кризис показателей, сколько кризис общественного договора. Действительно, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. люди *de facto* обменивали большее благосостояние на большую свободу, «объемы и тонны», которые производил СССР, на «счастье в свободе», которые сулила Новая Россия, а гарантированный рубль, стабильность и (как довесок) прописанность жизни на много

лет вперед – на гарантированную копейку, зато вкупе с личной свободой и с возможностью получить от жизни все. Большая свобода ассоциировалась и с большими доходами, которые невозможно было получить в СССР ни при каких условиях, но на которые давала шанс Новая Россия.

Этот пример показателен именно потому, что демонстрирует реальную общественную модель устойчивости и прогресса. Он иллюстрирует те негативные исходы, которые могут реализовываться, если не учитывать наряду с формальными показателями благосостояния меру общественной легитимности механизмов и социальных изменений, благодаря которым эти показатели обеспечиваются (даже если сами показатели не так уж плохи). Именно в этом ключе мы артикулируем важность идеи измерения общественной цены явлений и процессов как индикатора отклонений реальных институтов от эталонных представлений о целесообразности и справедливости, существующей в массовом сознании.

Каковы эти представления, а значит, и содержание общественного договора в современной России? Насколько практические институты расходятся с этой негласной договоренностью между членами общества и властью? Насколько критичны уже имеющиеся отклонения действительности от общественного эталона? Существует ли этот эталон как некая однозначно выстроенная система социальных предпочтений, каковы обусловленные отклонениями от него гипотетические трансформационные издержки при дальнейших движениях общества в разных направлениях?

Не претендуя на полный охват всех сторон этого явления, мы постараемся обсудить способы измерения общественной цены различных видов социальных изменений в некоторых ключевых подсистемах общества.

К методологии измерения общественной цены социальных изменений

Основные предпосылки исследования

Центральным объектом исследования являются индивидуальные социальные предпочтения россиян, т.е. национально специфичный набор допустимых и недопустимых для каждого индивида решений по перераспределению, изменению набора или объема социально значимых благ, выбор которых находится в согласии с его индивидуальным жизненным проектом. Предполагается, что у каждого человека существует индивидуальный жизненный проект в виде системы долгосрочных целей и намерений, представлений о собственном будущем и образе общества, в котором он будет жить в планируемом будущем, а также система ресурсов (финансовых, временных, организационных), инвестированных индивидом для достижения соответствующих долгосрочных целей в согласии с его индивидуальным жизненным проектом.

Ключевая предпосылка исследования состоит в том, что изменения в любой социально значимой сфере жизни общества в долгосрочном периоде запрограммированы, т.е. предопределены сформировавшейся на определенный момент времени в прошлом системой индивидуальных социальных предпочтений. Трансформационные издержки при переходе той или иной социально значимой сферы общественной жизни из одного состояния в другое зависят от характера социальных

планов живущих сегодня индивидов. Если последствия от решений, которые принимает индивид в ситуациях выбора, могут влиять на его жизненный проект, то соответствующие решения можно рассматривать как проявление устойчивых, а не ситуационно возникших социальных предпочтений. Понимаемая таким образом система социальных предпочтений предопределяет направления и характер социальных изменений, на которые данное общество (социальная группа, социальный класс) способно.

Российское общество исследуется в разрезе общественно легитимного объема, набора и сравнительной ценности социально значимых и общественных благ, что в конечном итоге позволяет перейти к оценке обусловленных системой социальных предпочтений издержек вынужденных или спланированных трансформаций в обществе, если эти изменения ведут к нарушениям устоявшихся социальных предпочтений. Эмпирической основой исследования является опрос населения России с использованием вопросов, построенных в форме мысленных экспериментов. Вопросник состоит из смоделированных в ходе исследования и предлагаемых респонденту ситуаций выбора между альтернативными возможностями или программами, которые гипотетически приводят в зависимости от сделанного респондентом выбора к тому или иному изменению структуры и объема частных, социально значимых и общественных благ. Каждый мысленный эксперимент нацелен на одну из следующих задач:

- определение индивидуального баланса между личными и общественными выгодами;
- выявление различий в понимании индивидами того, что есть общественная выгода и что есть личная выгода;
- выявление укорененной в сознании индивида относительной ценности различных видов социально значимых и общественных благ;
- вычисление цены отказа от того или иного набора частных, социально значимых и общественных благ, на получение которых нацелен индивидуальный жизненный проект.

Такой подход позволяет рассчитать для индивида, делающего заданный экспериментальной ситуацией выбор, показатели сравнительной ценности в его жизни той или иной категории благ, оценить выраженность и направленность просоциального поведения индивида. В анализ вводятся объекты общественного сознания, не получившие пока широкого изучения в качестве благ с соответствующим аппаратом измерения их справедливой общественной цены, которая также определяется и национальной спецификой. К таким объектам относятся жизнь, здоровье, образование, рождение и воспитание детей, наука и прогресс, национальная оборона и такой специфический объект общественного сознания, как сверхдержава, который также рассматривается и оценивается нами как общественное благо.

Информационная база

Расчеты базируются на данных представительного опроса населения России «Предпочтения россиян при выборе социально значимых и общественных благ общегосударственного уровня и их влияние на социальные изменения», выполненного в сентябре

2016 г. в рамках проекта Российского научного фонда (грант № 16-18-10270). Опрос проведен на основе общероссийской репрезентативной выборки в целом для РФ и для федеральных округов РФ с соблюдением пропорций по численности населения в возрасте от 18 лет и старше, по типам поселений, квот по социально-профессиональным группам и по полу респондентов. Объем выборочной совокупности – 1000 чел.

Логическая структура анализа

В настоящей работе мы даем количественные оценки по пяти выбранным нами ключевым социально значимым срезам российского общества, а именно:

- (1) соотношение реального и идеального бюджета времени индивидов; на основе этого предлагается и рассчитывается показатель «неоптимизированного» с социальной точки зрения продукта труда, то есть та его часть, которая производится индивидом «без желания», в разрез с его индивидуальными предпочтениями и жизненными установками;
- (2) баланс положительных и отрицательных внешних эффектов (социальных «преимуществ» и социальных «бед»), связанных с условиями жизни и деятельности индивидов; этот баланс (сумма воздействий на жизнь индивида общественной среды) рассматривается нами в качестве модели, пригодной для описания реальных мотивов принятия индивидом решения об участии или неучастии в общественной жизни;
- (3) допустимая общественным сознанием величина альтернативных издержек финансирования «дополнительной мощи» державы, рассматриваемой в качестве фундаментального общественного блага;
- (4) цена отказа от потребления социально-значимых благ сегодня во имя улучшения их объема и структуры в будущем, в том числе для будущих поколений (на примере программ спасения жизней и перераспределения между поколениями здоровых и благополучных лет жизни);
- (5) вклад личных и общественных выгод в индивидуальную полезность, измерение взаимосвязи индивидуальной полезности со структурой индивидуального и коллективного потребления.

В следующем разделе мы приводим эмпирические оценки указанных параметров по российскому обществу в целом на основе данных репрезентативного опроса населения.

Страна в общественном измерении: опыт эмпирического анализа

Образ жизни и издержки его трансформации: градиент общественного согласия

В этой части мы попытались сконструировать систему оценки издержек социальных трансформаций с учетом реального и идеального бюджета времени индиви-

дов. Принципиальным было не только выявление реальной структуры бюджета времени в российском обществе (что является вполне типичной задачей для современных исследований), но и меры его соответствия идеальной (с точки зрения индивидов) структуре бюджета времени.

Основная величина, которая может быть выведена отсюда в расчетах, – это размер «неоптимизированного» общественного продукта труда. Формально она может быть рассчитана следующим образом:

$$\sum_i (T_i^1 - T_i^0) \cdot w_i^0,$$

где T_i – время, затрачиваемое индивидом на i -й вид деятельности в реальности (индекс «0») и в гипотетическом идеальном состоянии (индекс «1»), w_i – часовая рыночная ставка заработной платы для i -го вида деятельности в текущий

период. При этом величина $\frac{T^1 - T^0}{T^0}$, рассчитанная для конкретного индивида,

показывает:

– в случае если она < 0 – долю создаваемого индивидом общественного продукта труда «без желания» это делать;

– в случае если она > 0 – недоиспользование личностных ресурсов индивида как трудовой единицы.

Агрегированные оценки этих величин позволяют рассчитать долю ВВП, которая могла бы быть оптимизирована за счет перераспределения времени населения между основными направлениями жизнедеятельности в соответствии с идеальными социальными предпочтениями.

Аналогичные величины могут быть рассчитаны и по ключевым видам досуга. В этом случае речь идет об измерении общественного продукта досуга. Сводные оценки по обществу приведены в *таблице 1*.

В *таблице 1* приведены оценки величины $T^1 - T^0$ с исключением и включением в расчеты респондентов с нулевым балансом времени. Видно, что в среднем россияне, не удовлетворенные текущим объемом работы (исключены те, кто не хотел бы ничего менять: $\Delta T \neq 0$), сократили бы около 11 часов в неделю на любые виды оплачиваемой работы и около 3 часов в неделю на ведение домашнего хозяйства. И, напротив, по всем видам деятельности, связанным с личностным развитием, культурой, здоровым образом жизни, воспитанием и развитием детей, россияне ощущают дефицит времени. Например, среднестатистический россиянин хотел бы увеличить количество времени, уделяемое воспитанию и развитию детей, на 130%; время, уделяемое культуре (театрам, музеям, литературе, музыке), – на 187%; хобби и личному творчеству – на 161%; здоровому образу жизни и уходу за собой – на 140%.

Величина неоптимизированного продукта труда $(T^1 - T^0)/T^0$ по всем оплачиваемым видам деятельности составляет у среднестатистического индивида примерно 39%. Расчет аналогичной величины по видам деятельности, связанным с ведением домашнего хозяйства (исключая время, затрачиваемое на воспитание и развитие детей), в среднем составляет 58%. Интересно, что около 19% населения хотели бы уделять домашнему хозяйству больше времени – в среднем на 116%.

Таблица 1. Соотношение реального и идеального бюджета времени россиян по отдельным направлениям жизнедеятельности

Виды деятельности *	T^0	Параметры бюджета времени ** (N=1000)							
		T^1-T^0		$ T^1-T^0 ^- / T^{0***}$	$ T^1-T^0 ^+ / T^{0***}$	D^+	D^0	D^0_a	D^+
		искл. $\Delta T=0$	вкл. $\Delta T_a=0$						
Оплачиваемая работа	42,1 (11,2)	-11,40 (16,41)	-9,24 (15,44)	0,39 (0,23)	... ****	7,6	30,2	11,1	47,5
Ведение домашнего хозяйства	14,6 (13,2)	-3,34 (10,90)	-2,20 (8,99)	0,58 (0,26)	1,16 (1,63)	19,3	27,7	25,9	50,0
Воспитание и развитие детей	10,2 (9,2)	6,71 (7,54)	4,98 (7,13)	0,55**** (0,29)	1,30 (1,48)	40,1	35,6	14,6	42,1
Время, посвященное культуре	3,7 (4,2)	4,31 (3,94)	3,78 (3,95)	... ****	1,87 (1,69)	47,0	30,0	6,7	47,7
Хобби, личное творчество	5,3 (5,6)	4,88 (5,12)	3,75 (4,94)	... ****	1,61 (1,91)	38,9	38,3	11,9	39,4
Спорт, здоровье и красота	4,7 (3,3)	4,38 (3,26)	3,32 (3,40)	... ****	1,40 (1,45)	46,6	30,6	14,9	47,1

Примечания:

*Наряду с указанными видами деятельности также оценивались затраты времени на образование, благотворительность, церковь, помощь родственникам, социальную активность в Интернете, различные виды праздного времяпрепровождения.

** T – затраты времени (часов в неделю), индекс 0 – реальные затраты времени, индекс 1 – затраты времени в идеальной жизненной ситуации. Приведены доли населения с положительным (D^+), суммарно как с положительным, так и с отрицательным ($D^\pm$) и с нулевым (D^0) балансом времени по оси «реальность – идеал»; отдельно указана доля тех, кто имеет нулевой баланс ($\Delta T=0$) при ненулевых затратах времени на соответствующий вид деятельности (D^0_j). В последнем случае это означает выявленное отсутствие расхождения реальности с идеалом при ненулевом количестве часов, затрачиваемых на соответствующий вид активности. Из расчетов были исключены наблюдения, не удовлетворяющие следующему критерию: общее количество времени на непересекающиеся виды деятельности не должно превышать 105 часов в неделю, а время на все виды оплачиваемой работы – 60 часов в неделю.

***Параметр рассчитывается только для тех респондентов, для которых T^1-T^0 и T^0 отличны от нуля. Верхний индекс «минус» означает, что параметр рассчитан для всех $T^1-T^0 < 0$, индекс «плюс» – для всех $T^1-T^0 > 0$.

****Малое число наблюдений.

Труд по ведению домашнего хозяйства не включается в ВВП, однако он входит как обязательный компонент в альтернативные показатели общественного благосостояния, такие как «индикатор истинного прогресса» (*Genuine Progress Indicator; GPI*), учитывающий производительный характер досуга в самом широком понимании [Lawn 2003, p. 106; Gross Production 1995]. Важная его часть относится к общественной и волонтерской работе, неоплачиваемой работе по ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей, времени на отдых и рекреацию, потере времени от сверхурочной работы и т.д.⁶

Таким образом, количество времени, затрачиваемого населением на работу и на ведение домашнего хозяйства, и в том и в другом случае превышает общественно одобряемую величину. Одновременно имеет место дефицит общественно полезной части досуга, связанной с повышением уровня личной культуры, культуры и образования детей, реализацией своего творческого потенциала в альтернативных видах деятельности, улучшением состояния своего здоровья, в том числе физической культуры.

Впрочем, следует отметить, что доля населения, которая рассматривает сложившийся бюджет времени как оптимальный ($\Delta T=0$), в среднем составляет более 30%, если учитывать тех, кто не тратит время на определенные виды деятельности и не изменил бы ситуацию ни при каких условиях (например, не работает и в идеале не работал бы). Вместе с тем, если учитывать только ту часть населения, которая не хотела бы ничего менять, являясь активным субъектом в соответствующих видах деятельности, то доля удовлетворенных сложившимся бюджетом личного времени заметно различается в зависимости от рассматриваемого вида деятельности. Например, доля работающего населения, удовлетворенного объемом своих рабочих часов, составляет немногим более 11%, тогда как доля населения, удовлетворенная объемом времени, которое приходится уделять домашнему хозяйству, – почти 26%.

Баланс благоприятных и неблагоприятных характеристик жизненного пространства: общество должно людям или люди – обществу?

Следующим способом измерения отклонений общественной системы от эталонного состояния является оценка баланса неинтернализированных внешних эффектов, то есть воздействий на жизнь человека, источник которых не связан с его жизненной активностью и, таким образом, не учтенных в его индивидуальном жизненном проекте. Отрицательный баланс внешних эффектов в жизни человека приводит к нарастанию дефицита личного благополучия ввиду необходимости незапланированного привлечения индивидами дополнительных ресурсов для их компенсации. И наоборот, положительный баланс внешних эффектов приводит к росту индивидуальной ренты, получению выгоды или незапланированной экономии без приложения к этому дополнительных усилий.

Данный подход развивает идею оценки социальных антиблаг или бед (*bads*). По определению, предложенному Ф.М. Бородкиным и А.С. Кудрявцевым,

⁶ Пример структуры GPI см. в работе [Pannozzo, Colman, Ayer, Charles, Burbidge, Sawyer, Stiebert, Savelson, Dodds 2008].

социальные беды представляют собой «такое состояние социальной среды и/или такие массовые регулярные события, которые оказывают или могут оказывать на людей (их здоровье, самочувствие, ощущение комфорта, личную безопасность, возможность реализации своих социальных прав, возможности саморазвития и другие сферы) отрицательное влияние или грозят отрицательными последствиями» [Бородкин, Кудрявцев 2003, с. 152]. Интересно, например, что при расчете уже упомянутого нами индикатора истинного прогресса не учитывается та стоимость, которая создается в экономике благодаря наличию в обществе спроса на товары и услуги, служащие средством преодоления определенных социальных, культурных или экологических проблем. Логика такого подхода в том, что соответствующие расходы по своей сути являются издержками, которые общество несет по компенсации негативных экстерналий, будь то загрязнение окружающей среды, преступность, безработица или разводы [Cobb, Goodman, Wackernagel 1999, p. 3].

Мы используем представление о компенсационном характере социальных бед. Это означает, что с точки зрения расчета общественной цены тех или иных явлений или процессов важен баланс социальных бед (или негативных экстерналий) и социальных преимуществ (или позитивных экстерналий). Наше исследование было направлено на оценку баланса позитивных и негативных воздействий испытываемых населением и связанных с характеристиками мест наибольшей активности граждан (в частности, места постоянного проживания и работы)⁷.

В ходе эксперимента измеряется баланс двух составляющих:

$E^{(-)}$: стоимостная оценка дополнительно затрачиваемого времени, дополнительных расходов, материального или морального ущерба, ущерба здоровью в связи с неблагоприятными характеристиками места, где индивид живет, работает или часто бывает;

$E^{(+)}$: экономия времени, исчезновение необходимости в запланированных расходах, рост качества жизни благодаря тому, что место, где индивид живет, работает или часто бывает, обладает определенными преимуществами.

Таким образом, в обоих случаях измеряются либо издержки ($E^{(-)}$) индивида, либо получаемая им экономия ($E^{(+)}$), не учтенные в его изначальном «контракте»

⁷ В анкете респонденту предлагалось указать негативные и благоприятные характеристики места его проживания и/или работы, которые приводили в его жизни за последний год, соответственно, либо к незапланированным расходам, либо к неожиданной экономии времени или средств. В анкете имелся закрытый список гипотетических характеристик жизненного пространства, из которых требовалось выбрать только те, с которыми непосредственно сталкивался респондент. Список представлял собой описание парных (противоположных по воздействию на жизнь индивида) характеристик его труда, безопасности, экологической, инфраструктурной, социальной, культурной составляющих жизненного пространства.

Пример пар положительных и отрицательных внешних эффектов, наличие которых в своей жизни предлагалось идентифицировать респонденту:

(-) «Дополнительные или непредвиденные расходы на защитные и профилактические меры из-за неблагоприятной экологической ситуации или шумового загрязнения в Вашем районе (из-за близости дома к трассам, заводам, источникам радиации) vs (+) Рядом с местом, где Вы живете или работаете, находятся ухоженные парки, чистые леса и водоемы, уникальные природные комплексы».

(-) «Моральный, материальный ущерб или потеря времени, связанные с дискриминацией Вас окружающими из-за того, что Вы принадлежите к определенной социальной категории (по состоянию здоровья, внешности, возрасту, национальности, привычкам или другим индивидуальным характеристикам) vs (+) Экономия времени и сил, благодаря отзывчивому отношению к Вам окружающих в связи с тем, что Вы принадлежите к определенной социальной категории (по состоянию здоровья, внешности, возрасту, национальности, привычкам или другим индивидуальным характеристикам)».

с государством или обществом. Этот «контракт» может иметь как экзистенциальный характер (например, расчет на престиж определенного типа рабочих мест при построении стратегии инвестирования в свой человеческий капитал, вера в закон и его исполнение), так и быть вполне конкретным (например, гарантии защиты своих прав как собственника при открытии собственного дела, расчет на соответствие декларируемого и фактического качества коммерческих и государственных услуг при пользовании ими).

Величина ΔE представляет собой количественную оценку искомого баланса:

$$\Delta E = \sum_{i=1}^N E_i^{(+)} - \sum_{j=1}^K E_j^{(-)},$$

где индексы i и j маркируют, соответственно, одну из N -возможных позитивных экстерналий и/или социальных преимуществ и K -возможных негативных экстерналий и/или социальных бед. Идеальный баланс достигается при $\Delta E = 0$, в других случаях мы получаем стоимостную оценку либо запаса ($\Delta E > 0$), либо дефицита ($\Delta E < 0$) общественного терпения, связанного с отклонением реальной ситуации от эталонных представлений.

Мы предлагаем рассматривать данный показатель как базис для прогнозирования в обществе уровня просоциального поведения в качестве ценностно-рационального явления, которое имеет не отвлеченный альтруистический характер, но базируется на оценках индивидом логических конструкций «я должен обществу» или «общество должно мне». Баланс внешних эффектов как суммы воздействий на жизнь индивида общественной среды рассматривается нами в качестве основы решения этого вопроса индивидом. Сводные оценки по обществу приведены в *таблице 2*.

В верхней части *таблицы 2* приведены различные оценки количества социальных бед и социальных преимуществ в жизни среднестатистического россиянина. Доля респондентов, не идентифицировавших наличие социальных бед и социальных преимуществ, достаточно высока – 48,2 и 46,2% соответственно. При этом фактическое число социальных бед составляет примерно 28%, а социальных преимуществ – примерно 35% от общего возможного количества, которое можно было указать в анкете. Анализ показал, что доля населения с положительным балансом внешних эффектов заметно превалирует над той частью населения, для которой этот баланс отрицательный (44,4% против 28,2%).

К ключевым социальным бедам (отмечаемым от 20 до 30% респондентов) относятся «большой объем сверхурочной работы, перегрузки и стрессы на работе, отсутствие достаточного времени, чтобы полностью восстановить силы после работы» (28,5% ответов); «непредвиденные расходы из-за внезапной тяжелой болезни кого-либо из Ваших родных и близких в условиях, когда помощи от государства оказалось недостаточно» (24,9% ответов); «вынужденные расходы или потери времени из-за нарушенной, неотлаженной или непригодной для отдельных категорий населения (дети, пенсионеры, люди с ограниченными возможностями) жилищно-коммунальной и транспортной инфраструктуры, отсутствия в шаговой доступности учреждений социально-бытового обслуживания» (21,7% ответов).

Таблица 2. Показатели баланса внешних эффектов в жизни россиян

Показатель	Оценки	N
Анализ в номинальном выражении (фактическое наличие или отсутствие)		
Выявленная доля социальных бед (негативных экстерналий) (%)*	28,4 (17,97)	1000
Доля населения, не идентифицировавшего наличие бед (%)	48,2	
Доля тех, кто предпочел бы монетизацию бед, среди идентифицировавших их наличие (%)	31,0	
Выявленная доля социальных преимуществ (позитивных экстерналий) (%)*	35,7 (20,4)	
Доля населения, не идентифицировавшего наличие преимуществ (%)	46,3	
Доля тех, кто предпочел бы монетизацию преимуществ, среди идентифицировавших их наличие (%)	39,0	
Баланс выявленных социальных преимуществ и выявленных социальных бед:** - доля населения с отрицательным балансом (%) - доля населения с нулевым балансом (%) - доля населения с положительным балансом (%)	28,2 27,4 44,4	
Анализ в стоимостном выражении		
Средняя величина компенсации за переживание социальных бед (руб./чел.)	860 577 (1 531 162)	149
Средняя величина отступных за наличие социальных преимуществ (руб./чел.)	1 015 137 (1 752 743)	156
Средняя величина индивидуального баланса между компенсациями за беды и отступными за преимущества (руб./чел.): - по респондентам с отрицательным балансом	- 941 773 (1 779 293)***	75
- по респондентам с положительным балансом	944 014 (1 768 217)***	71

Примечания:

*За 100% принимается максимально возможное число социальных преимуществ и социальных бед, которое можно было отметить в анкете.

**Показатель представляет собой баланс долей выявленных преимуществ и выявленных бед со шкалой изменения (-100..+100).

***Величины компенсации за беды и премии за преимущества в среднем по обществу сбалансированы ($t = -0,008$, $d.f. = 144$, $p = 0,994$).

Среди основных позитивных экстерналий респонденты отметили следующие характеристики своего жизненного пространства: «рядом с местом, где Вы живете или работаете, находятся ухоженные парки, чистые леса и водоемы, уникальные природные комплексы» (36,4% ответов); «Вы живете или работаете на территории с улучшенной инфраструктурой, красивой архитектурой, рядом с объектами культурного наследия» (20,3% ответов); «экономия затрат времени и средств на самообразование, поиск себя, эстетическое развитие себя или своих детей благодаря соседству и тесному общению с высокообразованными, интеллигентными и интересными людьми, общению их детей с Вашими детьми» (19,0% ответов).

Среди респондентов, идентифицировавших наличие социальных бед в своей жизни, доля тех, кто предпочел бы их монетизацию, составила 31,0%, а среди респондентов, указавших в своей жизни на наличие социальных преимуществ, доля тех, кто предпочел бы их монетизацию, была несколько больше – 39,0%.

В нижней части *таблицы 2* даны стоимостные оценки социальных бед и социальных преимуществ в жизни среднестатистического россиянина. Для определения общественной цены негативных внешних эффектов респондентам предлагалось сделать выбор между двумя способами их устранения: в рамках плана «А» государство фактически устранит указанные Вами жизненные проблемы и будет прилагать усилия по предотвращению их нового появления; в рамках плана «Б» гражданам будет одновременно выплачена денежная компенсация, но сами проблемы устранены не будут. Респонденты должны были ответить на вопрос: «если бы такое голосование проводилось каждый год, то голосуя сегодня, при какой наименьшей сумме денежной компенсации Вы бы выбрали план “Б”, отказавшись от плана “А”?».

Для определения общественной цены позитивных внешних эффектов респондентам предлагалась следующая экспериментальная ситуация: «если бы государство предоставило Вам возможность получить деньги за отказ от только что указанных Вами жизненных преимуществ в пользу других членов общества хотя бы на один год, то на какую минимальную сумму Вы бы согласились?».

Результаты эксперимента показывают, что в среднем люди оценивают величину годовой компенсации за переживаемые ими беды ориентировочно в 860 тыс. руб., а годовую величину отступных за имеющиеся преимущества – примерно в 1 млн руб.

Анализ также выявляет существование в обществе двух социальных когорт с полярной жизненной ситуацией: с отрицательным и положительным балансом социальных бед и социальных преимуществ. Интересно, что стоимостная оценка превалирования бед в первом случае и доминирования преимуществ во втором в среднем совпадали по абсолютной величине и составили на исследованной выборке порядка 940 тыс. руб. на человека.

В заключении раздела хотелось бы отметить, что компенсаторная социально-экономическая политика была (и вполне успешно) реализована в позднем советском обществе. В период развитого социализма в обмен на невысокий уровень жизни, скромный быт и различные ограничения в экономической свободе советским людям поставлялось уникальное в истории человечества благо, которое можно условно обозначить как «легкость бытия». Речь, конечно, шла не о товарном изобилии (наоборот, повсеместно наблюдался дефицит) и не об избытке возможностей (их также ограничивали), но о поддержании в обществе состояния защищенности от фундаментальных стрессов, фобий и рисков, переполняющих жизнь людей сегодня (страха быть уволенным, опасений выглядеть аутсайдером, риска попасть в долговую яму, перспективы оказаться всеми брошенным и т.д.) при лояльном отношении государства к праву граждан на определенные человеческие слабости. Эта компенсаторная политика была вполне общественно легитимна и в массовом сознании подверглась сомнению только во второй половине 1980-х гг., когда (если использовать аналогию с известной метафорой Милана Кундеры) поставляемая государством «легкость бытия» стала «невыносимой» для общества.

«Колокола на пушки»: сколько стоит сверхдержава

Фундаментальная часть российского общественного договора – это содержание обществом мощного, прежде всего в военно-технологическом отношении, государства, что представлено в общественном сознании в виде концепта «сверхдержавы».

Однако идея сверхдержавы до сих пор является значимой частью общественного сознания не только в России. Так, Дж. Най, автор концепта «мягкая сила» (*soft power*), пишет о необходимости ее дополнения экономическим и военным потенциалом США: «Комбинируя свою военную и экономическую мощь, одновременно с ростом инвестиций в мягкую силу⁸, США смогут создать платформу, в которой они нуждаются, чтобы преодолеть жесткие глобальные вызовы. Это была бы истинная умная сила⁹» [Nye 2009, p. 163].

Поэтому, несмотря на то, что терминология претерпевает изменения и понятие «сверхдержава» как таковое уходит из общественно-политического и научного дискурса, сама суть явления сохраняется, меняя лишь свои формы.

В масштабном исследовании, проведенном группой авторов ИС РАН под руководством академика РАН М.К. Горшкова и посвященном новым вызовам российскому обществу и его реакции на них, одним из вопросов стало влияние анти-российских санкций на повседневную жизнь граждан. Авторы анализируют такие интереснейшие аспекты общественного сознания, как «готовность россиян пойти на ограничения в своей собственной жизни ради укрепления положения страны и ее самостоятельного статуса на международной арене» или «готовность россиян в целом и представителей разных групп поддержать меры по возрождению мощи России, если эти меры будут связаны с падением уровня жизни населения» [Горшков, Петухов 2015, с. 77–99].

Вместе с тем при постановке таких вопросов критическое значение имеет цена отказа от тех или иных благ во имя соответствующей цели, причем в контексте альтернативного использования соответствующих благ. Здесь мы вновь обращаем внимание на несовпадение фактической и общественной цены сверхдержавы. Например, мы могли бы измерить стоимость общественного блага «сверхдержава» потерей части ВВП в 1990-е гг. Действительно, посчитав убытки, которые были связаны в тот период с деградацией военно-технологической мощи страны и привели к невозможности обеспечивать не только политические, но и многие экономические интересы (остановка кораблями США российских танкеров в Персидском заливе, арест российских судов кораблями европейских стран, давление НАТО на российские проекты в Иране, разрушение единого экономического пространства Восточной Европы и т.д.), мы получим рыночную цену сверхдержавы, но не ее общественную цену на тот момент времени. Причина состоит в том, что в падении российского ВВП в 1990-е гг. был определенный элемент общественного договора: люди были готовы отдать часть ВВП за доступ к романтизированной версии американской мечты и европейской жизни. Если эта величина могла бы быть посчитана, то ее необходимо было бы вычесть из рыночной стоимости общественного

⁸ В оригинале – *soft power*.

⁹ В оригинале – *smart power*.

блага «сверхдержава», чтобы получить ее общественную цену. И нет никаких гарантий, что в то время мы получили бы строго положительную величину.

В предлагаемом нами подходе общественная цена сверхдержавы определяется в ходе мысленного эксперимента о выборе одной из двух программ дополнительного расходования государственных средств: с одной стороны, программы на приращение мощи державы, с другой, двух вариантов альтернативных программ: (а) безвозмездная передача соответствующих средств населению для решения насущных жизненных проблем, (б) направление соответствующих средств на спасение людей, оказавшихся в критических для жизни ситуациях. Таким образом, сверхдержава рассматривается как субститут по отношению к двум указанным благам, и ее общественная цена измеряется: (1) в стоимостном выражении, (2) в альтернативном количестве спасенных жизней.

В связи с явным устареванием категории «сверхдержава» и высокой идеологической нагруженностью данного термина соответствующая идея в описании экспериментальной ситуации для респондентов была сформулирована в мягком виде, соответствующем реальным современным вызовам, которые с высокой вероятностью (и в рамках любого идеологического контекста) воспринимаются населением как объективные: «Направить дополнительные средства на решение проблем безопасности страны, понимаемой как обеспечение ее территориальной целостности, суверенитета, независимости в международных отношениях, предотвращение внешних и внутренних угроз». В данное определение не случайно введен предикат «дополнительные (средства)». Это должно дать понять респонденту, что базовый уровень безопасности, суверенитета и международного влияния страны уже достигнут, и речь идет о его дальнейшем наращивании. Таким образом, в ходе эксперимента респонденты делают выбор не между благосостоянием граждан и национальной безопасностью как таковой, а между увеличением благосостояния граждан и дальнейшим наращиванием национальной государственной мощи (при достигнутом базовом уровне этой мощи, который они могут наблюдать в реальной жизни).

Функция полезности индивида при совершаемом им выборе («в державе какого уровня мощи жить») в каждом случае является функцией двух параметров: количество общественного блага «сверхдержава» (SP), благосостояние граждан (WB) или сохранность жизни и здоровья граждан, измеренное в количестве спасенных жизней людей, попадающих в критические для жизни ситуации (HL).

Методологическая проблема состоит в том, что, как правило, граждане не знают ни о необходимом объеме средств для поддержания, например, суверенитета страны, ни о том, насколько можно укрепить державу с помощью того или иного объема финансирования. Помимо этого, само измерение величины ΔSP находится под вопросом. Поэтому величины вида $(\Delta WB/\Delta SP)$ и $(\Delta HL/\Delta SP)$, представляющие собой предельные нормы замещения блага «сверхдержава» двумя другими благами (общественным благосостоянием либо сохранностью жизней и здоровья граждан), могут быть оценены только в целом при субъективной (и остающейся для нас неизвестной) оценке гражданами величины прироста параметра «державности» ΔSP на некую условную единицу, которую они сравнивают с двумя предложенными альтернативами. И в этом состоит определенное ограничение эксперимента.

Тем не менее, по смыслу эксперимент предсказывает, при какой величине прироста параметров WB и HL дальнейший прирост «державности» (SP)

становится общественно незначимым, если начинает мешать дальнейшему росту параметров *WB* и *HL*. Эмпирические оценки приведены в *таблице 3*.

В первую очередь следует отметить, что российское общество крайне неоднородно по восприятию этой стороны общественной жизни. В первом приближении очевиден раскол общества на две примерно равные части. При альтернативе в виде передачи гражданам на решение насущных жизненных проблем средств, которые иначе пошли бы на дополнительное финансирование национальной безопасности, процент респондентов, однозначно выбравших вариант «за сверхдержаву», составил 49,3%. При альтернативе в виде передачи соответствующих средств на спасение жизней людей, оказавшихся по внешним причинам в критической для жизни ситуации, доля респондентов, однозначно проголосовавших «за сверхдержаву», была несколько меньше – 46,7%.

Таблица 3. Показатели общественной цены «сверхдержавы» в России

Цена отказа	Вид альтернативы	
	1 Средства передаются гражданам для решения насущных жизненных проблем*	2 Средства передаются на спасение жизней людей, оказавшихся в критических ситуациях**
Среднее (стандартное отклонение)	2 557 781 (9 341 669)	798 798 (4 898 919)
Процентили	25%	100 000
	50%	1 000 000
	75%	2 000 000
Доля выбирающих вариант «сверхдержавы» в любом случае (%)	49,3	46,7
N	803	760

*Указан размер индивидуальной субсидии (руб./чел.).

**Указано количество спасенных жизней (чел.). Удалены 6 наблюдений, когда респонденты называли количество жизней ≥ 100 млн чел.

Принадлежащие ко второй части общества россияне, согласные рассматривать цену отказа от сверхдержавы, готовы проголосовать за отказ от дополнительного финансирования сверхдержавы, если (при альтернативе 1) объем средств, полученных ими лично и теми членами общества, которых они считают такими же, как они сами, в среднем составит около 2,5 млн руб. и более или если (при альтернативе 2) эти средства могли бы спасти в среднем порядка 800 тыс. чел. и более. Однако анализ показал высокую неоднородность выбора этой части населения. В *таблице 3* для обеих альтернатив приведены значения процентилей распределений выбора респондентов, голосующих за деньги или за спасение жизней. Видно, например, что в случае альтернативы 1 четверть всех голосующих за деньги готовы взять их при сумме всего в 100 тыс. руб., а 50% – при сумме 1 млн руб. Еще большая неоднородность выбора наблюдается при альтернативе 2. В этом случае для 25%

голосующих за спасение жизней достаточно 10 спасенных жизней, чтоб отказаться от финансирования сверхдержавы, а для 50% – 200 спасенных жизней. При обеих тестируемых альтернативах очевидны значительные отклонения от средней величины, что делает перспективным социально-групповой анализ данного явления.

*Отражение общественных потребностей
в индивидуальных функциях полезности*

Одной из центральных характеристик общественного договора (социального контракта) является общественное представление о справедливом (легитимном) распределении благ, ресурсов и возможностей. В этой связи для анализа представляет интерес оригинальная операционализация полезности, предполагающая зависимость индивидуальной полезности не только от индивидуального, но и коллективного потребления и обозначенная академиком РАН А.Д. Некипеловым как «индивидуальная функция общественного благосостояния». Согласно предложенной им логике, оправданность такого предположения легко понять, если ввести предпосылку о желании людей жить в комфортных социальных средах [Некипелов 2006, с. 258, 270–271]. Тогда в поведении или установках людей должны присутствовать элементы «личного инвестирования» (прямого – деньгами, или опосредованного, – например, через голосование или одобрение действий других) в формирование таких сред или, по крайней мере, их отдельных сегментов.

Соответствующая математическая конструкция и ее интерпретация могут выглядеть следующим образом¹⁰:

$$U = \alpha_0 \cdot U_0(y, z) + \sum_i \alpha_i \cdot U_i(y_i, z_i),$$

где U – общая полезность, получаемая индивидом, U_0 – полезность, получаемая индивидом от удовлетворения личных потребностей, α_0 – весовой параметр, отражающий вклад личного потребления в индивидуальную полезность, U_i – полезность, получаемая обществом благодаря улучшению состояния одного из i возможных сегментов социальной среды или сфер национального строительства, α_i – весовой параметр, отражающий вклад в индивидуальную полезность одобряемого индивидом общественного потребления в i -ом сегменте социальной среды/сфере национального строительства, y и z – соответственно набор общественных и частных благ, потребляемых в i -ом сегменте индивидом/другими членами/группами общества. Эмпирической оценке, таким образом, подлежат параметры α_0 и α_i при условии: $\alpha_0 + \sum \alpha_i = 1$.

В ходе проводимого нами мысленного эксперимента респондентам предлагалось разделить в соответствии со своими представлениями о социальной

¹⁰ В несколько модифицированном (в соответствии с дизайном нашего эксперимента) виде приводится по идеям Д.М. Крепса [Kreps 1990, с. 159–160] и А.Д. Некипелова [Некипелов 2006, с. 258–262].

справедливости средства, изъятые с помощью «налога на роскошь» у самых богатых слоев населения и направленные государством гражданам (в размере 1 млн руб. на человека). Сначала респондент должен был указать долю из этих средств, которую он оставил бы на свои нужды и нужды своей семьи, и долю, которую он направил бы на решение определенных общественных проблем. Далее респонденту предлагалось распределить указанные им доли средств по статьям расходов, соответственно, личного и общественного потребления.

На основе результатов этого эксперимента нами даются количественные оценки «общественно одобряемого» распределения средств, с одной стороны, между личными и общественными нуждами, с другой стороны, между различными направлениями общественного строительства (таблица 4).

Таблица 4. Усредненные параметры индивидуальных функций общественного благосостояния

Показатель	Оценки	N
Сумма, возвращаемая гражданами обществу с 1 000 000 руб., в идеальной ситуации полного доверия власти ($1-\alpha_0$, %)*	29,63 (27,58)**	943
Не оставили себе ничего (%)	3,8	
Оставили себе все (%)	25,0	
Сумма, возвращаемая гражданами обществу с 1 000 000 руб., в условиях реального уровня доверия власти ($1-\alpha_0$, %)	25,58 (27,89)**	898
Не оставили себе ничего (%)	4,1	
Оставили себе все (%)	33,3	
Наиболее популярные сферы личного потребления	(Доля в α_0 , %)	
Улучшение жилищных условий, повышение безопасности жизни и жилища, предотвращение влияния плохой экологии	39,08 (32,23)	884
Здоровый образ жизни собственный и своей семьи (активный отдых, спорт, здоровое и качественное питание, профилактика)	21,29 (21,28)	
Образование и культурное развитие собственное, своей семьи, своих детей	14,62 (16,90)	
Наиболее популярные направления общественного строительства	(Доля в $1-\alpha_0$, %)	
Программы поддержки детей из малообеспеченных семей, сирот, детей с ограниченными возможностями	15,34 (19,74)	682
Решение проблем рождаемости, охрана материнства и детства, охрана детского здоровья	10,99 (13,00)	
Увеличение здоровых лет жизни россиян всех поколений	9,73 (21,36)***	
Поддержка отечественных производителей, импортозамещение, отечественная наука и новые технологические разработки	8,10 (12,49)****	
Решение экологических проблем, охрана природы, спасение животных	8,09 (14,05)****	
Благоустройство городов и сел, улучшение внешнего облика страны	7,95 (12,13)****	
Национальная оборона, развитие ОПК	7,76 (11,90)****	

Примечания:

*Согласно постановке вопроса в анкете, доля средств, оставляемых себе и своей семье, равна α_0 .

**Т-критерий для парных выборок: $t = -6,679$ ($d.f. = 885$, $p < 0,0001$).

***Одновыборочный Т-критерий: доля $\sim 10\%$ ($0,598 \leq p \leq 0,917$).

****Одновыборочный Т-критерий: доля $\sim 8\%$ ($t = -0,333$, $d.f. = 681$, $p = 0,739$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в российском обществе слабо развиты установки на просоциальное поведение: доля средств, возвращаемая индивидами обществу, в среднем составила лишь около 25–30%, при этом большую часть денег граждане считают справедливым оставить себе и своей семье (70–75%).

Интересен еще один вывод. Респонденту предлагалось решить вопрос о разделении средств между личными и общественными нуждами в двух гипотетических ситуациях: в идеальных условиях и в условиях реального доверия институтам власти. Разница в размере средств, направленных на общественные нужды в этих ситуациях, теоретически представляет собой «издержки недоверия» между обществом и властью. Результаты соответствующих оценок показали хотя и статистически значимую, но незначительную разницу (не более 3–4%) в величине возвращаемых обществу средств. Таким образом, соотношение 75/25 не связано с недоверием институтам власти, а указывает на существование в массовом сознании идеи накопленного долга государства перед обществом, составляющим в среднем 700–750 тыс. руб. на человека. Отметим, что эта сумма близка к общественным представлениям о размере компенсации за переносимые социальные беды, оцененной в предыдущем разделе настоящей работы. И, наконец, показательным является тот факт, что от четверти до трети респондентов оставили бы себе 100% переданной им суммы, не вернув обществу ничего.

Предложенная методика позволяет выявить относительную ценность частных и общественных благ, являющуюся, с точки зрения респондента, справедливой. Во втором и третьем разделе *таблицы 4* приведен топ наиболее популярных статей расходования средств населением при доступности суммы в 1 млн руб. Видно, что первоочередными личными проблемами население считает улучшение жилищных условий, повышение безопасности жизни и жилища, предотвращение влияния плохой экологии, здоровый образ жизни собственный и своей семьи (активный отдых, спорт, здоровое и качественное питание, профилактика), образование, культурное развитие собственное и своей семьи.

Среди общественных проблем, на решение которых граждане считают нужным направлять дополнительные средства при доступности такой возможности, являются поддержка детей из малообеспеченных семей, сирот, детей с ограниченными возможностями, решение проблем рождаемости, охрана материнства и детства, охрана детского здоровья, увеличение здоровых лет жизни россиян. Во второй эшелон общественных проблем попадают поддержка отечественных производителей, импортозамещение, отечественная наука и новые технологические разработки, решение экологических проблем, охрана природы, спасение животных, благоустройство городов и сел, улучшение внешнего облика страны, национальная оборона и развитие оборонно-промышленного комплекса.

*Межвременные социальные предпочтения:
сколько стоит жертва во имя будущего*

Необходимо особенно отметить пласт современных междисциплинарных исследований, активно проводимых за рубежом и посвященных анализу межвременных предпочтений населения в отношении таких объектов как жизнь и здоровье,

которые рассматриваются в качестве благ с соответствующим аппаратом измерения их справедливой общественной цены. Респондентам предлагается выбор между смоделированными исследователем социально значимыми программами, связанными с сохранением жизни или здоровья людей. На этой основе вычисляются индивидуальные ставки дисконтирования, при данной постановке задачи имеющие смысл цены отказа сегодняшнего поколения от рассматриваемых благ в пользу будущих поколений.

Первыми авторами, затронувшими эту тему применительно к программам сохранения жизней (*saving lives, life saving programs*), были М. Кроппер, С. Айдед, П. Портни [Cropper, Aydede, Portney 1991; Cropper, Aydede, Portney 1992; Cropper, Aydede, Portney 1994]. Постановка задачи, предложенная в указанных работах, является замечательным апробированным инструментом измерения общественной цены отказа от сегодняшних благ во имя будущих. Здесь мы кратко приводим ее логику. Сравниваются две полезности от спасения жизней:

$$\begin{aligned} \text{в настоящем} - U_a &= a \cdot X, \\ \text{в будущем (через } T \text{ лет)} - U_b &= b \cdot Y, \end{aligned}$$

где X и Y – количество спасаемых жизней в настоящий период и в будущем, a и b – субъективная ценность в глазах индивида сегодняшних и будущих человеческих жизней. Условие безразличия ($U_a = U_b$) наряду с исходным предположением о том, что разница в субъективной ценности человеческих жизней определяется только фактором времени, позволяет найти параметр b/a в следующем виде, используя экспоненциальное дисконтирование:

$$\frac{b}{a} = \frac{X}{Y} = \exp(-r \cdot T),$$

где r – индивидуальная ставка межвременных предпочтений, или цена отказа от спасения сегодняшних жизней в пользу будущих.

Несмотря на оригинальность поставленной задачи, она имеет дело с таким весьма специфическим объектом, как человеческая жизнь, тогда как не менее интересен вопрос о межвременных предпочтениях населения относительно более широкого класса благ. Не меняя общую постановку задачи, сделать более широким тип перераспределяемого во времени блага позволяет логическая конструкция «здоровые годы жизни» (*healthy life-years*), которыми поколения также могут «делиться» между собой, скажем, выбирая тот или иной тип социальной политики (см., напр.: [Meerding, Bonsel, Brouwer, Stuifbergen, Essink-Bot 2010, p. 369]).

Проводимые в этих направлениях исследования значительно варьируются по своей постановке. Различные варианты дизайна таких исследований описаны, например, в работе [Frederick 2003].

Мы представляем результаты аналогичного исследования в России, в котором вычисляется общественная цена жертвенности во имя будущего, которая так же, как и идея «сверхдержавы», имеет особое значение в российской культуре. Дизайн эксперимента с выбором количества спасенных жизней выглядел следующим образом: респонденту задавался вопрос: «Каждый год в мире умирает значительное

число человек по причине того, что они не имели возможности получить высокотехнологичную медицинскую помощь. Вам предлагается проголосовать за одну из двух одинаковых по затратам программ, позволяющих внести определенный вклад в решение этой проблемы в России. Программа “А” позволит спасти и вернуть к полноценной жизни 100 человек сегодня. Программа “Б” позволит спасти и вернуть к полноценной жизни большее число человек, но через 25 лет. Сколько жизней должна спасти программа “Б”, чтобы Вы проголосовали за нее?».

Вопрос о распределении здоровых и благополучных лет жизни ставился в следующем виде: «Вам предлагается выбрать один из двух вариантов жизни сегодняшнего российского общества. Вариант “А” позволит увеличить в среднем на 3 года количество здоровых и благополучных лет в жизни людей сегодня, но не повлияет на благополучие следующих поколений. Вариант “Б” не сделает более благополучной жизнь сегодня, но принесет в среднем большее число здоровых и благополучных лет в жизнь людей через 25 лет. На сколько в среднем должен увеличить количество здоровых и благополучных лет в жизни людей вариант “Б”, чтобы Вы выбрали его?».

В такой постановке вопросы позволили рассчитать минимальную величину ставки, по которой общество готово пожертвовать сегодняшним благополучием во имя завтрашнего, в том числе во имя будущих поколений. Оба вопроса задавались для временной перспективы 25 и 50 лет. Результаты эмпирических оценок приведены в *таблице 5*.

Таблица 5. Межвременные предпочтения при выборе, связанном со спасением жизней и распределением здоровых и благополучных лет жизни

Тип экспериментальной ситуации		Оценки				N
		X_B^*	b/a	r	d_A^{**}	
1. Спасение 100 человеческих жизней сегодня либо X жизней через T лет	T=25 лет	0,671 (2,085)	0,095 (0,225)	0,205 (0,127)	82,5	876
	T=50 лет	1,442 (4,012)	0,053 (0,148)	0,119 (0,065)	88,3	860
2. Увеличение в среднем на 3 года здоровых и благополучных лет в жизни людей сегодня либо на X лет для тех, кто будет жить через T лет	T=25 лет	17,43 (14,57)	0,267 (0,168)	0,061 (0,027)	76,8	859
	T=50 лет	26,15 (18,38)	0,187 (0,150)	0,039 (0,014)	81,1	824

Примечание:

* X_B – количество спасенных жизней, млн чел. (для экспериментальной ситуации 1) или количество здоровых и благополучных лет жизни, лет в среднем на 1 чел. (для экспериментальной ситуации 2).

** d_A – доля респондентов (%), выбирающих программу «А» в любом случае (то есть всегда голосующих за благополучие тех, кто живет сегодня).

Доля респондентов, которые предпочли в любом случае выбрать программу «А» (сохранение жизней сегодня и увеличение числа здоровых и благополучных лет жизни для живущих сегодня), оказалась значительной – до 80% и выше. В экс-

перименте по спасению жизней для перспективы 25 и 50 лет величина ставки составила 20,5% и 11,9% соответственно. Эксперимент по перераспределению здоровых и благополучных лет жизни между живущими сегодня и теми, кто будет жить в будущем, дал на порядок меньшую величину – 6,1% и 3,9% соответственно. Таким образом, спасенными жизнями россияне готовы делиться с будущими поколениями по заметно более высокой цене, чем здоровыми и благополучными годами жизни.

По своему характеру полученные результаты соответствуют данным зарубежных исследований: благо «спасенные жизни» в среднем оказывается дороже блага «здоровые годы жизни». Однако при несколько ином дизайне эксперимента величина ставки для выбора, связанного со спасением жизней на выборке американцев при тех же временных горизонтах, оценивались в 8,6% и 6,8% [Cropper, Aydede, Portney 1991, p. 1414]. Гораздо ниже получалась и доля тех, кто при любой альтернативе выбирает вариант со спасением жизней живущих сегодня (например, у тех же авторов – 40–47%) [Cropper, Aydede, Portney 1992, p. 470].

При этом, как и в зарубежных работах, в нашем исследовании воспроизводится закон убывания ставки дисконтирования в зависимости от временного горизонта, на который отодвигается получение рассматриваемых благ. Это, впрочем, не означает, что по отношению к более отдаленным поколениям живущие сегодня индивиды ведут себя более альтруистично. Напротив, относительная ценность более далеких жизней заметно ниже: так, жизни живущих через 50 лет стоят в среднем в 1,79 раз меньше, чем жизни живущих через 25 лет (0,095/0,053). То же можно сказать и о благе «здоровые и благополучные годы жизни»: аналогичное соотношение составляет в среднем 1,43 раза (0,267/0,187).

Заключение

В настоящей работе мы ставили перед собой задачу оценить способность общества к изменениям, предприняв попытку ее количественного измерения. Центральной категорией и основным предметом исследования стала общественная цена социальных изменений как мера легитимности любых процессов и явлений в обществе, которые способны менять его характеристики на мезо- или макроуровне. Мы определили и эмпирически апробировали подходы к измерению этой величины применительно к нерыночным явлениям и процессам.

Наряду с традиционными социально значимыми и общественными благами, в анализ были введены и такие объекты, которые пока не подвергались целенаправленному изучению в качестве благ либо антиблаг с соответствующим аппаратом измерения их справедливой общественной цены: недоиспользованный труд; оплачиваемый, но не желанный труд; непраздные формы досуга; жизнь, здоровье и благополучные годы жизни, а также такие специфические объекты общественного сознания, как сверхдержава и благосостояние будущих поколений.

Ядро работы составляет обсуждение методологических приемов, позволяющих осуществлять такие измерения, и первая попытка их применения в эмпирическом анализе на материалах представительного опроса населения России с использованием метода мысленного эксперимента.

Научная значимость поставленной в исследовании проблемы и методологических предложений по ее решению определяется возможностью использования полученных результатов в процессах регулирования крупных социально-экономических систем. Полученные знания о структуре сложившихся в обществе социальных предпочтений в их количественном представлении и их влиянии на социальные изменения различной направленности, с нашей точки зрения, позволят двигаться к концепции социально-экономического регулирования, основанного на взаимном обмене общества и власти принципиально новым типом данных, отражающих национальную специфику сложившегося общественного договора.

В работе даны количественные оценки по следующим крупным объектам общественного сознания: (1) соответствие реальной и идеальной структуры бюджета времени по основным направлениям жизнедеятельности членов общества, (2) соотношение социальных бед и социальных преимуществ в жизни людей, (3) индивидуальные функции общественного благосостояния (вклад личных и общественных выгод в индивидуальную полезность), (4) социально допустимые альтернативные издержки воспроизводства двух фундаментальных общественных благ – «сверхдержавы» и «благосостояния будущих поколений».

Предлагается и рассчитывается показатель «неоптимизированного» с социальной точки зрения продукта труда, то есть та его часть, которая производится индивидом без желания либо, наоборот, недоиспользуется обществом при готовности индивида его создавать. Показано, что переосмысления требует подход к восприятию роли в обществе труда и досуга, учитывая существование непроеводительных форм первого и производительных форм второго.

Предпринята попытка расчета баланса положительных и отрицательных внешних эффектов (социальных преимуществ и социальных бед), связанных с условиями жизни и деятельности индивидов. Этот показатель мы предлагаем рассматривать как основу для прогнозирования в обществе уровня просоциального поведения как ценностно-рациональной формы действия, имеющего не отвлеченный альтруистический характер, но базирующегося на решении индивидом смысловой дилеммы «я должен обществу» или «общество должно мне». Баланс внешних эффектов как суммы воздействий на жизнь индивида общественной среды рассматривается нами в качестве модели, пригодной для описания реальных мотивов принятия индивидом решения об участии или неучастии в общественной жизни.

Мы также акцентируем внимание на компенсационной природе общественной цены социальных изменений и на возможностях ее снижения за счет замещения (в условиях ограниченности ресурсов у государства как субъекта изменений) одних видов социально значимых и/или общественных благ другими при управлении движением общества в тех или иных направлениях.

В работе измеряется общественная цена социальных инвестиций в ключевые направления национального строительства. Предложен и реализован подход к оценке весовых коэффициентов индивидуальных функций общественного благосостояния, предполагающих зависимость индивидуальной полезности не только от личного, но и от коллективного потребления. Эмпирически тестируется широкий набор направлений национального строительства, включая такие блоки, как решение проблем рождаемости, охрана материнства и детства, охрана детского здоровья, увеличение здоровых лет жизни россиян всех поколений, импортозаме-

щение, национальная оборона, благоустройство городов и сел, улучшение внешнего облика страны, решение экологических проблем, охрана природы, спасение животных и др. Эмпирически оценивается и общественно легитимная структура личного потребления социально значимых благ в российском обществе.

Предложен и протестирован на эмпирических данных основанный на исчислении альтернативных издержек подход к оценке общественно легитимного объема финансирования фундаментального общественного блага «сверхдержава» или «дополнительная мощь» державы. Предпринята экспериментальная попытка оценить указанный вид блага в стоимостном выражении и в альтернативном количестве спасенных жизней.

Наконец, на российской выборке измеряется цена общественного блага «благосостояние будущих поколений». В основу этой части работы положены широко развиваемые в зарубежных исследованиях идеи анализа индивидуальных межвременных предпочтений с помощью мысленных экспериментов по выбору между смоделированными программами спасения жизней и программами перераспределения во времени «здоровых лет жизни». Для России получены оценки ставок дисконтирования ценности человеческих жизней, здоровых и благополучных лет жизни.

Говоря о результатах проведенного в настоящей работе эмпирического анализа, мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что общественная цена (конкретного явления или процесса) не существует как строго однозначная для каждого общества величина. Точнее было бы говорить о существовании распределения общественных цен, связанного с социальной неоднородностью обществ. Полученные оценки дают значительный материал для развития исследования в русле социально-группового и социально-классового анализа в каждом из охарактеризованных нами направлений. Такой вектор развития исследования позволит раскрыть потенциал концепта «общественной цены» как инструмента количественной реконструкции мировоззренческой стратификации обществ по ключевым направлениям национального строительства.

Литература

- Бородкин Ф.М., Кудрявцев А.С. (2003) Человеческое развитие и человеческие беды // Мир России. Т. 12. № 1. С. 138–182.
- Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. (2002) Оценка эффективности инвестиционных проектов: теория и практика. М.: Дело.
- Горшков М.К., Петухов В.В. (ред.) (2015) Российское общество и вызовы времени. Книга первая. М.: Весь Мир.
- Кара-Мурза С.Г. (2012) Народное хозяйство СССР. М.: Алгоритм.
- Лапин Н.И. (2005) Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. № 2. С. 17–29.
- Некипелов А.Д. (2006) Становление и функционирование экономических институтов: от «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М.: Экономистъ.
- Ролз Дж. (2010) Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ.
- Туен А. (1998) Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир.
- Явлинский Г.А. (2005) Общественный договор – основа долгосрочной экономической стратегии // Мир России. Т. 14. № 4. С. 3–29.

- Bruni L., Porta P.L. (eds.) (2005) *Economics and Happiness: Framing the Analysis*. Oxford: Oxford University Press.
- Carroll W.K. (1992) *Social Movements and Counter-hegemony: Canadian Contexts and Social Theories* // *Organizing dissent: Contemporary Social Movements in Theory and Practice: Studies in the Politics of Counter-hegemony* (ed. Carroll W.K.), Toronto: Garamond Press, pp. 3–38.
- Cobb C.W., Goodman G.S., Wackernagel M. (1999) *Why Bigger Isn't Better: the Genuine Progress Indicator. 1999 Update* // *Redefining Progress* // <http://rprogress.org/publications/1999/gpi1999.pdf>
- Cropper M., Aydede S., Portney P. (1991) *Discounting Human Lives* // *American Journal of Agricultural Economics*, vol. 73, no 5, pp. 1410–1415.
- Cropper M., Aydede S., Portney P. (1992) *Rates of Time Preference for Saving Lives* // *American Economic Review* (Papers and Proceedings of the Hundred and Fourth Annual Meeting of the American Economic Association), vol. 82, no 2, pp. 469–472.
- Cropper M., Aydede S., Portney P. (1994) *Preferences for Life Saving Programs: How the Public Discounts Time and Age* // *Journal of Risk and Uncertainty*, vol. 8, no 3, pp. 243–265.
- Donaldson T., Dunfee T.W. (1994) *Toward a Unified Conception of Business Ethics: Integrative Social Contracts Theory* // *Academy of Management Review*, vol. 19, no 2, pp. 252–284.
- Douglas M. (2000) *Integrative Social Contracts Theory: Hype over Hypernorms* // *Journal of Business Ethics*, vol. 26, no 2, pp. 101–110.
- Easterlin R.A. (1974) *Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence* // *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz* (eds. Paul A. David, Melvin W. Reder), N.Y.: Academic Press, pp. 89–125.
- Easterlin R.A. (2001) *Income and Happiness: Towards a Unified Theory* // *The Economic Journal*, vol. 111, no 473, pp. 465–484.
- Easterlin R.A., McVey L.A., Switek M., Sawangfa O., Zweig J.S. (2010) *The Happiness–Income Paradox Revisited* // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 107, no 52, pp. 22463–22468.
- Frederick S. (2003) *Measuring Intergenerational Time Preference: Are Future Lives Valued Less?* // *The Journal of Risk and Uncertainty*, vol. 26, no 1, pp. 39–53.
- Frey B.S., Stutzer A. (2010) *Happiness and Public Choice* // *Public Choice*, vol. 144, no 3/4, pp. 557–573.
- Gilbert D.U., Behnam M. (2009) *Advancing Integrative Social Contracts Theory: A Habermasian Perspective* // *Journal of Business Ethics*, vol. 89, no 2, pp. 215–234.
- Gramsci A. (1971) *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*. London: Lawrence & Wishart.
- Gross Production vs Genuine Progress. Excerpt from the Genuine Progress Indicator: Summary of Data and Methodology (1995) // *Redefining Progress* // http://rprogress.org/sustainability_indicators/genuine_progress_indicator.htm
- Katz H. (2006) *Gramsci, Hegemony, and Global Civil Society Networks* // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 17, no 4, pp. 332–347.
- Kreps D.M. (1990) *A Course in Microeconomic Theory*. Princeton: Princeton University Press.
- Kula E. (1984) *Derivation of Social Time Preference Rates for the United States and Canada* // *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 99, no 4, pp. 873–882.
- Lawn P. A. (2003) *A Theoretical Foundation to Support the Index of Sustainable Economic Welfare (ISEW), Genuine Progress Indicator (GPI), and Other Related Indexes* // *Ecological Economics*, vol. 44, no 1, pp. 105–118.
- Meerding W.J., Bonsel G.J., Brouwer W.B.F., Stuifbergen M.C., Essink-Bot M.-L. (2010) *Social Time Preferences for Health and Money Elicited with a Choice Experiment* // *Value in Health*, vol. 13, no 4, pp. 368–374.
- Nielsen T.H., Habermas J. (1990) *Jürgen Habermas: Morality, Society and Ethics: An Interview with Torben Hviiid Nielsen* // *Acta Sociologica*, vol. 33, no 2, pp. 93–114.
- Nye J.S. (2009) *Get Smart: Combining Hard and Soft Power* // *Foreign Affairs*, vol. 88, no 4, pp. 160–163.
- Pannoizzo L., Colman R., Ayer N., Charles T., Burbridge C., Stiebert S., Sawyer D., Dodds C. (2008) *The 2008 Nova Scotia Genuine Progress Index. GPI Atlantic*, Halifax.

- Pearce D., Groom B., Hepburn C., Koundouri P. (2003) Valuing the Future: Recent Advances in Social Discounting // *World Economics*, vol. 4, no 2, pp. 121–141.
- Persaud R.B. (2001) *Counter-hegemony and Foreign Policy: The Dialectics of Marginalized and Global Forces in Jamaica*, New York: State University of New York Press.
- Rawls J. (1999) *Theory of Justice*, Revised Edition. Cambridge: Harvard University Press.
- Rubin B.A. (2012) Shifting Social Contracts and the Sociological Imagination // *Social Forces*, vol. 91, no 2, pp. 327–346.
- Sassoon A.S. (1982) Hegemony, War of Position, and Political Intervention // *Ap Proaches to Gramsci* (ed. Sassoon A.S.), London: Writers and Readers, pp. 94–115.

The Shadow Price of Social Change and Its Evaluation

V. KARACHAROVSKIY*, O. SHKARATAN**

***Vladimir Karacharovskiy** – Candidate of Science in Economics, Assistant Professor, Deputy Head of the Laboratory for the Comparative Analysis of Post-Socialist Development, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: vvk@hse.ru

****Ovsey Shkaratan** – Doctor of Science in History, Tenured Professor, Head of the Laboratory for the Comparative Analysis of Post-Socialist Development, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: ovsey@hse.ru

Citation: Karacharovskiy V., Shkaratan O. (2017) The Shadow Price of Social Change and Its Evaluation. *Mir Rossii*, vol. 26, no 2, pp. 6–37 (in Russian)

Abstract

This paper analyses the “shadow price” of social changes. For the first time, an attempt was made to determine the approaches to measuring this value with regard to non-market phenomena and processes, and to apply these approaches in an empirical analysis, based on a representative survey in Russia (N = 1,000) using experimental situations.

Specifically, it quantitatively evaluates (1) the degree of divergence between the real and the ideal structure of the time budget of several important domains of social life; (2) the ratio of social ills to social benefits; (3) individual public welfare functions, (4) the social cost, legitimated by citizens, of reproducing two fundamental public goods: “the capacity to maintain ‘superpower’ status” and “the well-being of the future generations”.

The authors introduce and operationalize the novel concept of the socially sub-optimal product of labour, i.e. the product resulting from alienated (or unwilling) labour, and conversely, the product which could potentially result from using unutilized willing labour. In doing so we support the idea of distinguishing productive and unproductive forms within both the notion of labour and the notion of leisure. Aggregated estimates of these values show the share of GDP which could be optimized due to a redistribution

of the time budget of the population between the main areas of life, according to ideal social preferences.

The balance of social benefits and social ills resulting from the life experiences and activities of individuals are empirically evaluated. We consider this balance, which is the sum of impacts of the social environment on the individual, as a suitable model for explaining how individuals make decisions about whether or not to participate in public life.

“Individual public welfare functions” are assessed empirically, demonstrating that individual utility depends on personal and collective consumption. Empirical testing covered a wide range of nation-building areas with public investment in relevant types of merit and public goods.

Then the authors propose and test on empirical data an opportunity cost approach to evaluating socially legitimate amounts of funding for the fundamental social benefits “superpower” or “additional power” of the nation.

The cost of the public good “well-being of the future generations” is calculated for the Russian sample.

Finally, the estimates of the discount rates of human lives and “healthy and prosperous years of life” were obtained for Russia for the first time.

The findings of the study are relevant for the efficient management of complex socio-economic systems. The authors strongly believe that revealing the structure of existing social preferences and estimating their impact on various areas of social life will help improve policy making by explicitly taking into account the specifics of the real social contract between the state and society.

Key words: social contract, civil society, NGO, social change, public goods, socially important goods, social preferences, social discount rate

References

- Borodkin F.M., Kudryavtsev A.S. (2003) Chelovecheskoe razvitie i chelovecheskie bedy [Human Development and Human Disasters]. *Mir Rossii*, vol. 12, no 1, pp. 138–182.
- Bruni L., Porta P.L. (eds.) (2005) *Economics and Happiness: Framing the Analysis*, Oxford: Oxford University Press.
- Carroll W.K. (1992) Social Movements and Counter-hegemony: Canadian Contexts and Social Theories. *Organizing dissent: Contemporary Social Movements in Theory and Practice: Studies in the Politics of Counter-hegemony* (ed. Carroll W.K.), Toronto: Garamond Press, pp. 3–38.
- Cobb C.W., Goodman G.S., Wackernagel M. (1999) Why Bigger Isn't Better: the Genuine Progress Indicator. 1999 Update. *Redefining Progress*. Available at: <http://rprogress.org/publications/1999/gpi1999.pdf>, accessed 1 March 2017.
- Cropper M., Aydede S., Portney P. (1991) Discounting Human Lives. *American Journal of Agricultural Economics*, vol. 73, no 5, pp. 1410–1415.
- Cropper M., Aydede S., Portney P. (1992) Rates of Time Preference for Saving Lives. *American Economic Review* (Papers and Proceedings of the Hundred and Fourth Annual Meeting of the American Economic Association), vol. 82, no 2, pp. 469–472.
- Cropper M., Aydede S., Portney P. (1994) Preferences for Life Saving Programs: How the Public Discounts Time and Age. *Journal of Risk and Uncertainty*, vol. 8, no 3, pp. 243–265.
- Donaldson T., Dunfee T.W. (1994) Toward a Unified Conception of Business Ethics: Integrative Social Contracts Theory. *Academy of Management Review*, vol. 19, no 2, pp. 252–284.

- Douglas M. (2000) Integrative Social Contracts Theory: Hype over Hypernorms. *Journal of Business Ethics*, vol. 26, no 2, pp. 101–110.
- Easterlin R.A. (1974) Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz* (eds. Paul A. David, Melvin W. Reder), N.Y.: Academic Press, pp. 89–125.
- Easterlin R.A. (2001) Income and Happiness: Towards a Unified Theory. *The Economic Journal*, vol. 111, no 473, pp. 465–484.
- Easterlin R.A., McVey L.A., Switek M., Sawangfa O., Zweig J.S. (2010) The Happiness—Income Paradox Revisited. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 107, no 52, pp. 22463–22468.
- Frederick S. (2003) Measuring Intergenerational Time Preference: Are Future Lives Valued Less? *The Journal of Risk and Uncertainty*, vol. 26, no 1, pp. 39–53.
- Frey B.S., Stutzer A. (2010) Happiness and Public Choice. *Public Choice*, vol. 144, no 3/4, pp. 557–573.
- Gilbert D.U., Behnam M. (2009) Advancing Integrative Social Contracts Theory: A Habermasian Perspective. *Journal of Business Ethics*, vol. 89, no 2, pp. 215–234.
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds.) (2015) *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya* [Russian Society and Challenges of the Epoch. Book One], Moscow: Ves' Mir.
- Gramsci A. (1971) *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*, London: Lawrence & Wishart.
- Gross Production vs Genuine Progress. Excerpt from the Genuine Progress Indicator: Summary of Data and Methodology (1995). *Redefining Progress*. Available at: http://rprogress.org/sustainability_indicators/genuine_progress_indicator.htm, accessed 1 March 2017.
- Kara-Murza S.G. (2012) *Narodnoe khozyajstvo SSSR* [Economy of the USSR], Moscow: Algoritm.
- Katz H. (2006) Gramsci, Hegemony, and Global Civil Society Networks. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 17, no 4, pp. 332–347.
- Kreps D.M. (1990) *A Course in Microeconomic Theory*, Princeton: Princeton University Press.
- Kula E. (1984) Derivation of Social Time Preference Rates for the United States and Canada. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 99, no 4, pp. 873–882.
- Lapin N.I. (2005) Antroposotsietal'nyj podkhod: metodologicheskie osnovaniya, sotsiologicheskie izmereniya [Anthropo-Societal Approach: Methodological Bases, Sociological Measurements]. *Voprosy filosofii*, no 2, pp. 17–29.
- Lawn P. A. (2003) A Theoretical Foundation to Support the Index of Sustainable Economic Welfare (ISEW), Genuine Progress Indicator (GPI), and Other Related Indexes. *Ecological Economics*, vol. 44, no 1, pp. 105–118.
- Meerding W.J., Bonsel G.J., Brouwer W.B.F., Stuifbergen M.C., Essink-Bot M.-L. (2010) Social Time Preferences for Health and Money Elicited with a Choice Experiment. *Value in Health*, vol. 13, no 4, pp. 368–374.
- Nielsen T.H., Habermas J. (1990) Jürgen Habermas: Morality, Society and Ethics: An Interview with Torben Hviid Nielsen. *Acta Sociologica*, vol. 33, no 2, pp. 93–114.
- Nekipelov A.D. (2006) *Stanovlenie i funkcionirovanie ekonomicheskikh institutov: ot «robinzonady» do rynochnoj ekonomiki, osnovannoj na individual'nom proizvodstve* [Formation and Functioning of Economic Institutes: from “Robinzonada” to the Market Economy Based on Individual Production], Moscow: Ekonomist.
- Nye J.S. (2009) Get Smart: Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs*, vol. 88, no 4, pp. 160–163.
- Pannozzo L., Colman R., Ayer N., Charles T., Burbridge C., Stiebert S., Sawyer D., Dodds C. (2008) *The 2008 Nova Scotia Genuine Progress Index. GPI Atlantic*, Halifax.
- Pearce D., Groom B., Hepburn C., Koundouri P. (2003) Valuing the Future: Recent Advances in Social Discounting. *World Economics*, vol. 4, no 2, pp. 121–141.
- Persaud R.B. (2001) *Counter-hegemony and Foreign Policy: The Dialectics of Marginalized and Global Forces in Jamaica*, New York: State University of New York Press.
- Rawls J. (2010) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice], Moscow: LKI.
- Rawls J. (1999) *Theory of Justice*, Revised Edition, Cambridge: Harvard University Press.

- Rubin B.A. (2012) Shifting Social Contracts and the Sociological Imagination. *Social Forces*, vol. 91, no 2, pp. 327–346.
- Sassoon A.S. (1982) Hegemony, War of Position, and Political Intervention. *Ap Proaches to Gramsci* (ed. Sassoon A.S.), London: Writers and Readers, pp. 94–115.
- Turen A. (1998) *Vozvrashchenie cheloveka dejstvuyushhego. Ocherk sotsiologii* [The Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society], Moscow: Nauchnyj mir.
- Vilenskij P.L., Livshits V.N., Smolyak S.A. (2002) *Otsenka effektivnosti investitsionnykh proektov: teoriya i praktika* [Evaluation of Efficiency of Investment Projects: Theory and Practice], Moscow: Delo.
- Yavlinsky G.A. (2005) Obshchestvennyj dogovor – osnova dolgosrochnoj ekonomicheskoy strategii [Social Contract – a Basis of Long-Term Economic Strategy]. *Mir Rossii*, vol. 14, no 4, pp. 3–29.